

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.18>

UDC 94“04/14”:2-6
LBC 63.3(0)4-37

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 18.11.2020

**“NOT FLOGGED FOR CHRIST”:
REPRESENTATION OF ANTI-ICONOCLASTIC RESISTANCE IN THE LIVES
OF ST. IOANNIKIOS THE GREAT AND ST. PETER OF ATROA**

Tatyana A. Senina (Nun Kassia)

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation;
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the representation of anti-iconoclastic resistance in the Lives of St. Ioannikios the Great and St. Peter of Atroa and its relation to the debate between the Bithynian monks and the Studites on the issue of Christian life and opposition to heresy. **Methods.** The methods employed in this article are source research, information analysis, comparative historical research. The sources on the subject include two Lives of St. Ioannikios, two versions of the Life of St. Peter of Atroa, the Live and Works of St. Theodore the Studite, and the Life of St. Eustratios of Agauron. **Analysis.** During the second iconoclastic period divergent views on Christian life emerged among the Orthodox opposition, namely the Bithynian monks and the Studites. Iconophiles such as Theodore the Studite believed that during periods of prevalence of heresy it was the duty of every Orthodox believer to openly resist it and endure persecutions; no one should stay silent out of fear or enter into agreements with heretics, even out of a desire to preserve monasteries and churches. Many Bithynian monks, however, chose to live quietly in remote monasteries and hermitages avoiding open conflicts with Iconoclasts. For instance, Ioannikios the Great, an influential Bithynian hermit, did not suffer any persecution for the icons, maintained contacts with Iconoclasts and was indulgent towards priest Joseph, who split Orthodox opposition during the persecutions of 815–820. Furthermore, Eustratios of Agauron, Ioannikios’ confidante, would have been stained with the statement given to Iconoclasts, and hermit Theoktistos, an acquaintance of Ioannikios, was accused of heresies and caused embarrassment among believers. All these things aroused doubts among Iconophiles concerning Ioannikios’ Orthodoxy. Theodore the Studite criticized Ioannikios and others like him for avoiding persecution and blamed Eustratios and Theoktistos; this position caused antipathy to the Bithynian monks, including Peter, the author of the first Life of Ioannikios. Hagiographers glorified Ioannikios first of all as a great ascetic, prophet and miracle-worker, but they also tried to describe him as an active participant in the resistance to heresy and to remove all possible doubts about his faith; they told about his anti-iconoclastic prophecies and denunciations of heretics, attributed a lengthy confession of faith to him, and depicted him as an adviser to Patriarch–Confessor Methodios. Monk Sabas, the author of the second Life of Ioannikios, removed Peter’s attacks on the Studites from the narrative. He also wrote two Lives of Peter of Atroa which presented a more nuanced model of Orthodox behaviour. He depicted the saint as a great ascetic and miracle-worker who, like Ioannikios, stayed away from active resistance to heresy, but did on one occasion confront the Iconoclasts directly and suffered beating; moreover, Peter’s miraculous healings were only effective for the Iconophiles, and, like Theodore the Studite, he urged his monks not to communicate with heretics at all. Peter of Atroa had friendly relations with Theodore, consulted with him and called for the Studite’s help when he had been slandered; at the same time Peter is depicted as a close and undisputed friend of Ioannikios. **Results.** The analysis of sources shows that monk Peter, the first biographer of Ioannikios, sought to present his life as an alternative model of Orthodox behaviour during persecutions, a model that is equal to the open confession of the Studites and their followers who had been flogged for worshipping the icons. In contrast, hagiographer Sabas tried to reconcile the positions of Bithynian monks and the Studites, making Peter of Atroa an intermediary figure standing between the two groups.

Key words: Byzantine hagiography, Byzantine history, Byzantine iconoclasm, Orthodoxy, Ioannikios the Great, Peter of Atroa, Eustratios of Agauron, Theodore the Studite.

Citation. Senina T.A. (Nun Kassia). “Not Flogged for Christ”: Representation of Anti-Iconoclastic Resistance in the Lives of St. Ioannikios the Great and St. Peter of Atroa. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 231-242. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.18>

**«НЕ ИЗБИТЫЕ ЗА ХРИСТА»:
ИЗОБРАЖЕНИЕ АНТИИКОНОБОРЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ
В ЖИТИЯХ СВ. ИОАННИКИЯ И СВ. ПЕТРА АТРОЙСКОГО**

Татьяна Анатольевна Сенина (монахиня Кассия)

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В эпоху второго иконоборчества в православной оппозиции существовали разногласия во взглядах на христианскую жизнь между вифинским и студитским монашеством. Исповедники иконопочитания, подобные Феодору Студиту, считали, что обязанность православного во время господства ереси – открыто противостоять ей, терпеть гонения и не идти на соглашение с еретиками из желания сохранить монастыри и храмы. Однако многие вифинские монахи предпочитали тихо жить в удаленных обителях и скитах, не вступая в конфликт с иконоборцами. Известный вифинский отшельник Иоанникий Великий не претерпел никаких гонений за иконы, поддерживал связь с некоторыми иконоборцами и снисходительно относился к эконому Иосифу, ответственному за раскол православной оппозиции во время гонений; наперсник Иоанникия Евстратий Агаврский мог быть запятнан данной иконоборцам подпиской, а знакомый отшельник Феоктист обвинялся в ряде ересей, что породило смущение среди православных. Все это вызывало у иконопочитателей сомнения в православии Иоанникия. Феодор Студит критиковал его и ему подобных за избегание гонений, обличал Евстратия и Феоктиста, чем вызвал антипатию вифинских монахов, в том числе Петра, автора первого жития Иоанникия. Агиографы, прославляя Иоанникия прежде всего как великого аскета, пророка и чудотворца, старались также сделать его участником сопротивления ереси и рассеять возможные подозрения в его неправославии: они рассказывают о его антииконоборческих пророчествах и обличениях еретиков через посредство третьих лиц, приписывают ему пространное исповедание веры и изображают его советником патриарха-исповедника Мефодия. Автор второго жития Иоанникия монах Савва убрал выпады своего предшественника против студитов, а в житии Петра Атройского, тоже строгого аскета и чудотворца, отчасти сместил акценты: в его изображении Петр, как и Иоанникий, оставаясь в стороне от активного сопротивления ереси, все же один раз сталкивается с иконоборцами напрямую и терпит избиение, его исцеления действительны только для иконопочитателей, а своих монахов он, как и Феодор Студит, учит не общаться с еретиками даже в быту. С Феодором его связывают дружеские отношения, Петр советуется с ним о монашеской жизни, а будучи оклеветанным, прибегает к его заступничеству; в то же время Петр изображен близким и единомышленным другом Иоанникия. Таким образом, агиограф попытался примирить позиции вифинского монашества и студитов, сделав Петра Атройского чем-то вроде посреднической фигуры, стоящей между обеими группами.

Ключевые слова: византийская агиография, история Византии, иконоборчество, православие, Иоанникий Великий, Петр Атройский, Евстратий Агаврский, Феодор Студит.

Цитирование. Сенина Т. А. (монахиня Кассия). «Не избитые за Христа»: изображение антииконоборческого сопротивления в житиях св. Иоанникия и св. Петра Атройского // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 231–242. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.18>

Введение. Иконоборческая эпоха вдохновила византийских агиографов на создание житий новых святых – в основном епископов и игуменов, которые активно защищали иконопочитание перед лицом ереси, терпя тюремные заключения, бичевания, ссылки и лишения. Но существует и другой тип житий, чьи

герои, аскеты и чудотворцы, не терпят гонений за веру, и их участие в антииконоборческом сопротивлении невелико: яркими образцами здесь являются два жития св. Иоанникия Великого, написанные монахами Петром и Саввой, и две версии жития св. Петра Атройского, созданные тем же Саввой. Цель насто-

ящего исследования – выяснить, каким образом авторы этих житий делали своих героев участниками православного сопротивления, несмотря на скудость подтверждающих фактов; выявить ряд обстоятельств, оставшихся за кулисами житийных сцен; заострить внимание на том, как монах Савва в житии Петра Атройского стремился примирить позиции вифинского монашества в лице Иоанникия и студийского монашества в лице св. Феодора Студита, чьи взгляды на христианскую жизнь расходились.

Методы. В основу работы положен метод аналитического исследования источников, проясняющий их логику и содержание путем сопоставления содержащихся в них свидетельств о конкретных лицах и событиях.

Источники по теме включают жития Иоанникия Великого, Петра Атройского и Евстратия Агаврского, житие, сочинения и письма Феодора Студита. При анализе источников использованы работы Д. Афиногенова, С. Евтимиадиса, В. Лорана, С. Мэнго, Т. Сениной и А. Тимотина, посвященные византийской агиографии и иконоборческой эпохе.

Исследователи отмечали, что в житиях Иоанникия и Петра слабо отражена тема антииконоборческого сопротивления – в частности, об этом упоминали В. Лоран [12, р. 51], Д. Афиногенов [2, с. 508], С. Евтимиадис [10, р. 111], А. Тимотин [17, р. 183]. Однако отдельных научных работ, где детально рассматривается данная проблема, в настоящее время нет.

Анализ. Иоанникий Великий (762–846; см. [14; 3]) имел крестьянское происхождение, был неграмотен, молодость провел на военной службе, которую самовольно покинул в 792 г., дезертировав с поля боя. Видимо, именно это побудило его пойти в монахи и удалиться подальше от столицы, в окрестности горы Олимп в Вифинии, где он жил в основном отшельником, периодически переходя с места на место (подробнее: [14; 2, с. 516–523 и примеч.]). Со временем к нему стали приходиться монахи и миряне, которых он наставлял и помогал в бедах и болезнях; его связывали дружеские отношения со св. Мефодием, патриархом Константинопольским.

Первое житие Иоанникия (*BHG* 936¹ [6]; далее *ЖИ(н)*), цитируется в переводе Д. Афи-

ногенова [2, с. 513–595]) было написано в 846/847 г. монахом Петром; второе (*BHG* 935 [18]; далее *ЖИ(с)*), цитируется в переводе Д. Афиногенова [2, с. 595–656]) написано монахом Саввой в 850-х годах. Основным источником сведений для Петра послужили рассказы св. Евстратия Агаврского, которому Иоанникий, по словам агиографа, «все поверял» и с чьих слов написано житие (*ЖИ(н)*, § 12); Савва, видимо, использовал текст Петра и ряд других источников [2, с. 511–512]. Неизвестно, в какой степени агиографы приукрасили и дополнили рассказы Евстратия, но они явно предприняли усилия, чтобы сделать Иоанникия борцом с ересью, хотя фактически он таковым не являлся.

Автор *ЖИ(н)* вообще уделяет борьбе с иконоборчеством мало внимания; гораздо больше его волновал конфликт вифинского монашества, а затем патриарха Мефодия и его сторонников со студийскими монахами, учениками Феодора Студита. Конфликт особенно разросся после 843 г. на почве неприятия студитами ряда аспектов церковной политики Мефодия [8], но имел более долгую историю: он касался как споров о пределах церковной икономии (снисхождения к нарушениям правил), так и поведения православных в эпоху гонений на веру. Феодор Студит связывал одно с другим, указывая, что при иконоборцах легко отпали в ересь те, которые ранее привыкли закрывать глаза на нарушения канонов [4, с. 5–8, 45–58].

Вероятно, после смерти императора Льва V (820) имел место также некий конфликт между Феодором и Иоанникием и, соответственно, их почитателями. Феодор к тому времени был признанным лидером православной оппозиции, многие обращались к нему за советами, круг его общения и влияния был огромен [4, с. 70–74]. Иоанникий же был известен более всего в среде вифинских монахов, которые в целом не были затронуты гонениями, скрываясь в разных труднодоступных обителях и келлиях. Позиция Феодора была жесткой: монах, желающий во время господства ереси оставаться православным, должен не только не иметь молитвенного и бытового общения с иконоборцами, но и не жить в монастырях до окончательного торжества иконопочитания. В письме к игумену Евстра-

тию Феодор говорит, что поведение адресата породило молву, будто он дал подписку иконоборцам, поскольку при Льве V он, «будучи задержан царским чиновником, не подвергся мучениям, а был отпущен», ведь «никто из говоривших смело» в защиту икон «не остался без заключения в темницу или, по крайней мере, без ссылки или изгнания». Подобные люди в свое оправдание говорили, что путем соглашения с властью сохранили монастыри и храмы с иконами (чаще всего ценой этого была подписка с обещанием не выступать в защиту икон), но Феодор подчеркивает, что «все это не могло быть спасено иначе, как изменой истинному исповеданию». В сохранении храмов нет пользы, если верующие «из угождения еретикам забывают смелость» и не хотят страдать за православие: «Как? Одни умирают, другие отправляются в ссылку, иные подвергаются бичеванию, иные заключаются в темницу; горы, пустыни, скалы и пещеры населены блаженно гонимыми, – а мы остаемся дома и думаем, что не получаем вреда?» (*Письмо 448* [16, Pt. 2, p. 632–633]; здесь и далее перевод писем Феодора цитирую в основном по [5, т. III], где номера писем идентичны с изданием [16]).

Соблазнительно отождествить адресата письма с игуменом Агаврским Евстратием, наперсником Иоанникия. Правда, издатель писем Г. Фатурос считает, что это, «вероятно», другой Евстратий [16, Pt. 1, p. 416*, Anm. 825], а в житии самого Евстратия (*BHG* 645) сказано, что после начала гонений на иконы он, оставив свой монастырь, ушел к Иоанникию и возвратился в обитель только после торжества православия [19, p. 374–376, § 10 и 12]; но в этом житии о гонениях на иконы и о торжестве иконопочитания упомянуто вскользь, рассказ почти целиком посвящен чудотворениям героя, что само по себе может вызвать подозрения как попытка что-то скрыть, ведь на иконоборческую эпоху приходятся целых 28 лет жизни святого. Очевидно, большего доверия заслуживает информация о Евстратии в *ЖИ(n)* и *ЖИ(c)*. *ЖИ(n)* сообщает, что он часто навещал Иоанникия, рассказывая о гонениях на иконопочитателей (§ 25, 30–31), но оставался вместе с отшельником лишь иногда, а в основном жил неподалеку (§ 14, 25, 30–31, 54, 56). Согласно *ЖИ(c)*,

после начала гонений Евстратий покинул свой монастырь и «долгое время жил и подвизался» вместе с Иоанникием (§ 21), но потом они снова оказались врозь и виделись только по временам (§ 24). Агиографы также сообщают, что во время гонений при императоре Феофиле Евстратий, подобно другим исповедникам, оставил монастырь и скитался, «а некоему Антонию из той же обители, согласившемуся с еретиками, предводители ереси вверили игуменство и владение тем монастырем» (*ЖИ(c)*, § 30; ср. *ЖИ(n)*, § 66); однако когда ок. 823 г. группа иконопочитателей пришла повидаться с Иоанникием, встреча состоялась «в Агаврском метохе, где читается всепочтенный храм Святого Илии», там же находился и Евстратий (*ЖИ(n)*, § 36; *ЖИ(c)*, § 28), который со своими монахами продолжал использовать и подворье Св. Агапия (*ЖИ(n)*, § 31). Из этих сведений трудно понять, что было в царствование Льва V с Агаврским монастырем, но его подворья, видимо, продолжали использоваться; при Михаиле II Евстратий снова вернулся в Агаврский монастырь, откуда опять ушел при Феофиле, а игуменом стал иконоборец Антоний. Интересно, что последний несколько раз приходил к Иоанникию каяться в общении с еретиками, но потом опять возвращался к прежнему, однако отшельник каждый раз принимал и увещевал его (*ЖИ(n)*, § 66; *ЖИ(c)*, § 36). Итак, сообщения источников не исключают вероятности, что до 821 г. Евстратий Агаврский в какой-то момент при своих перемещениях по Вифинии был схвачен имперским чиновником², но по неясной причине (дал подписку иконоборцам?) был отпущен без вреда.

Стоит отметить, что Иоанникий снисходительно относился к печально известному эконому Иосифу, с которым связаны серьезные конфликты в Константинопольской Церкви – сначала из-за отношения ко второму браку императора Константина VI и последующих спорах об икономии, затем из-за связанной с Иосифом иконоборческой уловки, в результате которой были завлечены в ересь многие иконопочитатели; Феодор Студит нещадно поносил Иосифа за раскол и соблазн, внесенный в ряды православной оппозиции [4, с. 5–8, 48–51, 56–57, 63–65]. Но мы обнаруживаем Иосифа в числе «избранных отцов» и

«благочестивых мужей», пришедших побеседовать с Иоанникием в 823 г., причем святой лично обращается к нему, предрекает скорую смерть и призывает подготовиться к ней (*ЖИ(н)*, § 36; *ЖИ(с)*, § 28). Автор *ЖИ(н)* утверждает, что студиты возмутились предсказанием Иоанникия (указывая, что время смерти каждого известно только Богу), и упрекает их в отсутствии смирения; но, думается, реальной причиной возмущения была любезность отшельника к столь одиозной личности. Агиограф очевидным образом хочет унижить неприятных ему студитов; он даже лишает Феодора почтительного эпитета, тогда как Иосифа величает «господином». Иоанникий в его описании крайне мягко обходится с Иосифом, туманно говоря о том, что их свидание до настоящего времени было, «наверное», неблагоприятным. Можно представить, как это должно было возмутить студитов, учитывая то, что Иосиф и сам присоединился к иконоборцам во время гонений, и увлек за собой массу людей, ослабив православную оппозицию. Неизвестно, когда именно он снова примкнул к православным, но это явно произошло после смерти Льва V, когда быть иконопочитателем стало достаточно безопасно. Разумеется, настоящие исповедники не могли уважать подобного человека. Но биографы Иоанникия фактически обеляют Иосифа, описывая там же и его благочестивую кончину. Конечно, мы не знаем, как в реальности, а не на страницах жития, отшельник относился к Иосифу, но данный эпизод показывает, что у почитателей Иоанникия и Феодора взгляды на христианскую жизнь и благочестие существенно расходились.

Феодор настаивал, что в эпоху гонений на веру «не только выдающиеся по своему положению или знаниям должны подвизаться, беседуя и наставляя в православном учении, но и занимающий место ученика обязан смело говорить истину», а если игумены хранят молчание или дают подписку не собираться вместе и не учить иконопочитанию, «то это – измена истине»; нельзя «Богу предпочитать монастыри и страданиям за благо – земное благополучие» (*Письмо 149* [16, Pt. 2, p. 265–266]). Студит подчеркивал, что обязанностью любого игумена было покинуть монастырь, чтобы терпеть гонения, и побудить

к тому же своих монахов, а пребывание в обители под предлогом сохранения храмов и налаженной монашеской жизни – отступничество (*Письмо 432* [16, Pt. 2, p. 606–608]); «не может быть общения у гонимых с негонимыми, и не только не гонимыми, но и платящими подать гонителям из управляемых ими монастырей» (*Письмо 495* [16, Pt. 2, p. 729]). Подвижники вроде Иоанникия формально могли не присоединяться к иконоборцам и не давать подписки, но они оставались «негонимыми», и тем самым в глазах Феодора их аскетические подвиги обесценивались: «Пусть отец Иоанникий с подобными ему имеет пустыню и гору – ты же возлюби послушание и гостеприимство. Он в настоящее время не терпит гонения – ты же гоним за правду. Он не заключен в темницу – ты же находишься в темнице ради Господа. Он не бит – ты же избит за Христа. Насколько это выше тех подвигов!» – проповедует Студит своим монахам (*Малое оглашение*, 38 [5, т. II, с. 91]).

Иоанникий, восхваляемый как «строгий хранитель и исполнитель неукоснительного соблюдения заповедей и непорочной и православной веры посредством благочестивого жития», «громогласно провозгласивший <...>, что Христос может изображаться, и несколько не побоявшийся и не постыдившийся» (*ЖИ(н)*, § 1, 2), узнав о начале гонений, бежит подальше в леса, что агиограф оправдывает так: «Но пусть никто, услышав о бегстве нашего преподобного отца, не подумает, что он испугался тирана или смерти, <...> но, услышав, как <...> Господь в божественных Евангелиях заповедует: *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10:23), – он из-за этого бежал, одновременно и сдерживая в себе храбрость», – таким образом святой показал смирение и был сохранен Богом «во спасение многим и на пользу спасаемым» (*ЖИ(н)*, § 19; ср. *ЖИ(с)*, § 18). По мысли агиографа, это хорошо; не случайно, когда среди пришедших к Иоанникию православных возник спор о том, какая добродетель выше, тот ответил: «Нет другой добродетели выше смиренномудрия»; этому противопоставлено высокоумие студитов (*ЖИ(н)*, § 36).

Агиографы сделали Иоанникия своеобразным героем иконоборческого сопротивле-

ния: сам не терпя никаких преследований за веру, святой обличает еретиков через посредство других лиц и делает предсказания касательно иконоборческих императоров. Он предсказал отпадение в ересь Льва V и гонение на церковь (*ЖИ(n)*, § 16–17; *ЖИ(c)*, § 16), причем его пророчество якобы даже дошло до императора, но без всяких последствий (*ЖИ(n)*, § 17). Он обличил своего родственника-иконоборца, после чего тот, не раскаявшись, ослеп и вскоре умер (*ЖИ(n)*, § 35; *ЖИ(c)*, § 27). Иконоборческого митрополита Ингера он призывал раскаяться и оставить кафедру, предрекая ему скорую смерть, но тот не послушался и умер еретиком; судя по контексту, Иоанний был знаком с ним еще до того, как иконоборцы сманили его обещанием архиерейства (*ЖИ(n)*, § 38; *ЖИ(c)*, § 30). К Иоаннию якобы пришли посланцы императора Феофила, чтобы спросить, надо ли поклоняться иконам, на что отшельник произнес апологию иконопочитания, грозя иконоборцам вечными мучениями, однако Феофил «не исправился, <...> но остался в ереси» (*ЖИ(c)*, § 45). Наконец, Иоанний предрекает смерть Феофила, восстановление иконопочитания и патриаршество Мефодия (*ЖИ(n)*, § 69; *ЖИ(c)*, § 46), а затем внушает патриарху не принимать в священном сане иконоборческих епископов и клириков, но всех их низложить (*ЖИ(c)*, § 47). Таким образом, хотя увещания Иоанния пропадают все, и никто из иконоборцев не кается, святой получает ореол борца за православие и становится участником церковно-политических событий.

ЖИ(c) сообщает, что низложенные иконоборцы обвинили Иоанния в неправославии, и тогда он в присутствии многих верующих произнес православное исповедание (§ 48). Но, согласно раннему *ЖИ(n)*, святой сделал это не из-за нападков иконоборцев в 843 г., а раньше, когда некоторые стали спорить: «Вдобавок к дару знамений украшен ли великий Иоанний и словом веры? Или по простоте и неучености в чем-то ошибается?» – и «решили пойти к нему за молитвой и досконально исследовать» его веру (§ 55). Исповедание, вложенное агиографом в уста святого, заимствовано из сочинения св. патриарха Никифора [2, с. 565, примеч. 138]. Неученый монах едва ли когда-либо произносил по-

добную речь, но появление ее в житиях не случайно: о взглядах Иоанния в самом деле могли ходить нелестные слухи в православной среде, что подтверждается историей с отшельником Феоктистом, известной из переписки Иоанния с Феодором Студитом.

Об этом Феоктисте ходили слухи, что он проповедовал разные еретические взгляды. Феодор письменно убеждал его отстать от заблуждений, однако Феоктист не ответил, и смущение среди православных продолжалось. Тогда Феодор написал Иоаннию (*Письмо 461* [16, Pt. 2, p. 657–658]), прося вразумить Феоктиста, – отшельники, видимо, были знакомы и жили недалеко друг от друга. Затем Феодор снова написал Феоктисту (*Письмо 485* [16, Pt. 2, p. 712–713]), призывая покаяться, чтобы не «подвергнуться вечному осуждению» за смущение верующих: «Ибо я забочусь о твоём спасении и слышу, что между вами и другими братьями происходит раскольническое несогласие не малое, но весьма сильное, так что принадлежащий к пастве народ разделился на две противоположные части, из которых одна нападает на другую и удаляется от взаимного общения», – очевидно, что смущение среди верующих было сильным, а у Феоктиста нашлись единомышленники и защитники. На это письмо Феоктист ответил, уверяя игумена в своем православии, – мы узнаем об этом из следующего письма Феодора к нему, где Студит просит подтвердить отречение от конкретных еретических взглядов и передает привет Иоаннию (*Письмо 490* [16, Pt. 2, p. 722–724]). Вследствие этой истории, породившей соблазн и множество слухов, под подозрение в неправославии могли попасть и знакомые Феоктиста, в том числе Иоанний. Неизвестно, как последний отнесся к вмешательству Феодора в этот скандал, но его почитатели, судя по резким выпадам в *ЖИ(n)* против студитов, едва ли были этому рады.

А. Тимогин предполагает, что исповедание веры помещено в житие Иоанния, чтобы замаскировать действительные проблемы с православием отшельника, и считает, что рассказы об обличении еретиков Иоаннием могут быть попыткой скрыть его дружескую связь с иконоборцами: из житий видно, что он был знаком и поддерживал связь с не-

которыми иконоборческими епископами и игуменами, а также с рядом чиновников и придворных, которые едва ли остались незатронутыми ересью [17, р. 192–194]. Подобное поведение среди исповедников иконопочитания считалось предосудительным: Феодор Студит в одном из писем иконоборческого периода говорит, что «акривия (ἀκρίβεια, то есть строгая точность в соблюдении правил) совершенно возбраняет правомысленному иметь сопричастие с иноверными и сходиться с ними и для пищи, и для питья, и для общения» (*Письмо 507* [16, Pt. 2, р. 754]). Между прочим, в *ЖИ(с)* (§ 2, 4–5) упомянут интересный факт из молодости Иоанникия: в детстве и юности он, как и его родители, «был одержим иконоборческой ересью», от которой отстал только в 790 году. Если это правда, то Иоанникий действительно мог питать определенные симпатии к знакомым иконоборцам и относиться к ним с долей снисхождения, памятуя собственное прошлое.

«Святость Иоанникия, – замечает А. Тимотин, – сильно отличается от святости большинства святых, чьи жития были составлены после восстановления иконопочитания в 843 г. – патриархов, митрополитов и игуменов влиятельных монастырей, прославившихся особенно через терпение гонений во время второго иконоборчества. Напротив, Иоанникий – несмотря на усилия, приложенные в этом направлении его агиографами – не стал жертвой иконоборческой политики Льва V и Феофила и лишь с трудом мог сойти за сторонника икон» [17, р. 183]. Иоанникий в описании его биографов – это «богоносный Моисей нашего времени» (*ЖИ(с)*, § 29), «законодательствующий народу делами и выводящий его из житейского помрачения, то есть мирского моря» (*ЖИ(н)*, § 2). Таким образом, миссия отшельника состояла более в молитве и проповеди аскетических идеалов и добродетелей, в том числе посредством пророчеств и исцелений, чем в борьбе за православие.

Савва, второй агиограф Иоанникия, написал также житие св. Петра Атроевского, подвизавшегося в Вифинии в ту же эпоху (773–837, память 1/14 января)³. Петр родился в малоазийском селении под Пергамом, с детства прислуживал в местном храме, в возрасте 18 лет ушел в Вифинию к горе Олимп, где

и монашествовал всю жизнь, сначала под руководством отшельника Павла, потом будучи руководителем основанного последним монастыря Св. Захарии, а также нескольких других, созданных им самим, скитов и обителей. Савва был постриженником Петра, лично знал его, а также слышал рассказы о нем от других людей. Первое житие Петра (*ВНГ* 2364 [12, р. 65–225]; далее *ЖП*), судя по ряду выражений, написано после 846 г. [12, р. 14–15], но в нем мало отражены исторические события эпохи; основное содержание текста составляют рассказы об аскетических подвигах святого, о его руководстве монахами и о совершенных им многочисленных чудесах⁴. Спустя 14 лет, в 860–865 гг., Савва создал второй вариант жития (*ВНГ* 2365 [13, р. 77–171]; далее *ЖП(р)*), «чтобы открыть верным не внушающий зависти суший в нем дар Бога, нисколько не перестающий совершать таковые чудеса и после его преставления, и чтобы заградить уста еретичествующих иконоборцев, показывая, что Бог, простирающий чудодействующую руку, по слову апостола, удостоверяет нашу веру» (*ЖП(р)*, § 86b)⁵. Он отредактировал предыдущий текст, дополнив его некоторыми вставками, в том числе антииконоборческой направленности, и рассказами о посмертных чудесах Петра.

Житие Петра выглядит как попытка объединить две линии поведения – вифинских монахов, подобно Иоанникию избегавших вступать в открытый конфликт с иконоборцами и не терпевших гонений, и исповедников иконопочитания, подобных Феодору Студиту, активно боровшихся с ересью и гонимых. Когда в 815 г. начинаются гонения на иконы, Петр говорит своим монахам: «Божественные Писания повелевают нам не бросаться в искушения, но давайте, соединившись по двое или трое узами любви, уйдем в пустыню, чтобы и веру нашу сберечь неоскверненной, и не отступить от установлений нашего ангелоподобного общежития», – после чего «сообщество братьев удалилось в лесистые места» (*ЖП*, § 13). Так поступил со своими монахами и Феодор Студит: осужденный императором на ссылку, он заповедал всем братьям уйти из монастыря. Это считалось у исповедников за правило: «Мы узнали, что вы оставили монастырь и скрываетесь в горах во ис-

полнение заповеди, повелевающей это из-за христорборных гонителей», – пишет Феодор одному игумену после 816 г. (*Письмо 170* [16, Pt. 2, p. 291]). Студиты жили в разных местах небольшими группами; некоторые из них тоже были схвачены иконоборцами и бичеваны или посажены в тюрьму [1, с. 780–781, 785, 851, 857, 869–871]. Феодор все царствование Льва V провел в тюрьмах и был дважды бичеван за то, что вел обширную переписку, укрепляя иконопочитателей и обличая ересь [1, с. 761–778, 786–802]. В это время Петр отправился в Эфес и Хоны, где храмы, по утверждению агиографа, «еще не были тиранически захвачены злославными» (*ЖП*, § 13), затем провел почти год на Кипре и, возвратившись к Олимпу, поселился отшельником, наставляя приходящих к нему братьев в студитском духе: «не сходить с еретиками ни для еды, ни для питья, ни для молитвы, ни для псалмопения и не приветствовать их». Однако далее следует рассказ о том, как Петр служит в своем монастыре, хотя, казалось бы, он не должен был туда возвращаться (*ЖП*, § 14). В *ЖП(р)* в этом месте сделана вставка: Петр решает вместе с братьями вернуться в монастырь, узнав, что он не захвачен еретиками и стоит пустой. Затем описано чудо святого: когда во время литургии «пришел какой-то еретик-кровопиец с толпой людей, желая его схватить, окружил храм и сам встал у входных дверей», Петр окончил службу и «прошел среди них совершенно невидимый», так что иконоборец удалился ни с чем. Так агиограф, с одной стороны, делает Петра объектом преследования еретиков, но при этом святой чудесным образом избегает ареста. Впрочем, его монахи иконоборцев не интересуют: никого из них, в отличие от студитов, не хватают, не принуждают к отречению от икон и не бичуют – очевидно (хоть агиограф и молчит об этом), как не представляющих особой опасности для властей, в противоположность студитам, которые старались, подобно своему игумену, обличать еретиков и ободрять православных. Вторично Петр с братьями покинул монастырь только после начала гонений при императоре Феофиле (*ЖП*, § 63).

Упомянутое чудо с невидимостью не единственное у Петра: в другой раз он стал

невидим при встрече на дороге с епископами, «поскольку они держались ереси преступных иконоборцев» (*ЖП*, § 19). При этом своим спутникам-монахам он велел идти дальше и, по сути, отдуваться вместо него: они вступили в разговор с еретиками, которые расспрашивали их, куда делся Петр, который в это время стоял тут же на обочине, – несомненное чудо, но едва ли православные исповедники сочли бы эту историю непредвзвешенной. Однако здесь чудо по крайней мере увязано с нежеланием Петра общаться с еретиками, тогда как в похожей истории с Иоанником, когда он сделался невидим, причиной было просто желание, чтобы его не увидели случайные встречные (*ЖИ(п)*, § 61; *ЖИ(с)*, § 34).

Иногда Петр обличал иконоборцев: одного больного отказался исцелять, пока тот не поклонится иконе Христа, другому открыл, что причина его паралича – ересь, и тот выздоровел сразу после покаяния (*ЖП*, § 24); но подобные обличения лично для Петра опасности не представляли. Однако интересно отметить, что они приводят к покаянию и исцелению еретиков, тогда как обличения Иоанникия в адрес иконоборцев заканчиваются лишь их смертью без покаяния.

Кроме того, Петр со своим родным братом Павлом, который тоже стал монахом, однажды посетили заключенного в тюрьму за иконопочитание св. Афанасия Павлопетрского (*ЖП*, § 23), и на обратном пути в монастырь с ними произошла история, представляющая собой единственный в жизни Петра случай прямого исповедничества (*ЖП*, § 26). Монахи встретили некоего иконоборца, который спросил: «Откуда вы и куда держите путь? Вы не из раскольников-иконопоклонников?» В ответ Петр исповедал иконопочитание, после чего иконоборец избил его палкой и ногами, а потом отвел обоих братьев к иконоборческому экзарху Ламарису. Тот посадил их в тюрьму и попытался сманить Павла, обещая ему епископство в случае присоединения к иконоборцам, а после отказа велел бичевать его. Петр призывал не трогать Павла, угрожая Божией карой, но Ламарис не послушался и тут же умер от сильного носового кровотечения, после чего «его друзья-гонители, увидев это, охваченные великим страхом, немедленно освободили преподобных». Эта история едва

ли понравилась бы настоящим исповедникам, которые провели в заточении годы, пострадали от жестоких бичеваний, а некоторые, как Евфимий Сардский и Фаддей Студит, умерли после них. Но хотя попытка агиографа сделать из своего героя исповедника веры выглядит не слишком удачной и убедительной, она, тем не менее, отличает *ЖП* от житий Иоанникия.

Особенно ярко стремление *ЖП* примирить вифинскую и студийскую позиции отразилось в том, что Петр поддерживает прекрасные отношения как с Феодором Студитом, так и с Иоанникием. К Феодору Петр обращается, став жертвой клеветы в 820-е годы. Некие епископы и игумены позавидовали славе Петра как целителя-чудотворца и стали говорить, что он творит чудеса не Божией, а демонской силой. Петр пытался примириться с ними, «но они совсем не приняли его, но многие изгоняли его как колдуна». Тогда Петр «с великой скорбью отправляется к Феодору, во святых исповеднику, игумену Студийскому, находившемуся в изгнании с остальными отцами, <...> и со слезами открывает ему слухи, которые распространяют о нем злоревностные и завистливые люди». Студит попросил Петра честно рассказать о своей жизни и узнал о его чрезмерной аскезе: тот много лет не ел даже хлеба, питаясь одними овощами, носил вериги и ходил босым. «Услышав это, великий исповедник Феодор приказал своим послушникам предложить ему богатую трапезу и принудил преподобного вкусить всего вместе с ним, надел ему на ноги сандалии и покрыл накидкой его волосяной стихарь». Поскольку Петр смиренно принял это, Феодор убедился, что причина его подвигов не в тщеславии, и написал письмо к клеветникам, где сообщал, что «тщательно исследовал жизнь» Петра и нашел, «что он ни в чем не заблуждается, но, более того, превосходит многих подвижников нашего времени». После этого «восставшие против святого изменили поведение и приняли блаженного, пусть и против желания» (*ЖП*, § 37–38)⁶. Показательно, что Петр в такой ситуации ищет защиты не у патриарха или какого-либо епископа из числа исповедников, а у игумена Студийского, и что слово Феодора оказывается для остальных законом. В *ЖП(p)* добавлен еще один эпизод (§ 41 bis),

где Петр отправляется к Феодору, просто «чтобы навестить его. А тот, любезно приняв его и дружелюбно приветствовав, возрадовался духом. Посему отец советуется с ним обо всех своих делах, обсудив и то, что касалось братии». К сожалению, далее в тексте лакуна, и неизвестно, о чем беседовали оба игумена, но сама по себе история еще раз показывает, что Петр относился к Феодору с большим уважением.

В то же время *ЖП* рассказывает, как Петр в конце жизни навещает Иоанникия, чтобы пообщаться с ним, «ибо у этих двух отцов было такое богоблагодатнейшее единодушие, что в обоих виделся единый божественнейший образ действий и два мыслились одним богосоединенным человеком по характеру и по любви, которую они питали друг к другу» (§ 80). Когда же Петр скончался, Иоанникий имел видение, как ангелы относят его душу на небо, о чем впоследствии рассказал автору жития (*ЖП*, § 81). Перед смертью Петр завещает своим братьям жить непорочно и удаляться от любого общения с иконоборцами (*ЖП*, § 83).

Выводы. В эпоху второго иконоборчества в православной оппозиции существовало напряжение между вифинскими монахами и студитскими кругами, чьи взгляды на христианскую жизнь различались. Феодор Студит, чьи суждения поддерживали строгие исповедники иконопочитания, считал, что обязанность православного во время господства ереси – открыто противостоять ей, терпеть гонения и не идти на соглашение с еретиками из желания сохранить монастыри и храмы. Напротив, многие вифинские монахи предпочитали тихо жить в удаленных обителях и не вступать в конфликт с иконоборцами. Известный вифинский отшельник Иоанникий не терпел никаких гонений за иконы, поддерживал связь с некоторыми иконоборцами и снисходительно относился к эконому Иосифу, ответственному за раскол православной оппозиции во время гонений; наперсник Иоанникия Евстратий Агаврский, возможно, был запятнан данной иконоборцам подпиской, а знакомый отшельник Феоктист обвинялся в ряде ересей, что породило смущение в православных кругах. Все это вызывало у части иконопочитателей сомнения в православии Иоанникия. Феодор

Студит критиковал его и ему подобных за избегание гонений, обличал Евстратия и Феоктиста, чем вызвал антипатию и гнев у вифинских монахов, в том числе у Петра, автора первого жития Иоанникия. Агиографы, прославляя Иоанникия прежде всего как великого аскета, пророка и чудотворца, старались также сделать его участником сопротивления ереси и рассеять возможные подозрения в его неправославии, рассказывая о его антииконоборческих пророчествах и обличении еретиков, вложив в его уста пространное исповедание веры и изобразив его советником патриарха-исповедника Мефодия. Автор второго жития Иоанникия монах Савва убрал выпады своего предшественника против студитов, а в житии Петра Атройского отчасти сместил акценты: в его изображении Петр, как и Иоанникий, в целом остается в стороне от активного сопротивления ереси, однако один раз все же сталкивается с иконоборцами напрямую и терпит избиение, его исцеления действительны только для иконопочитателей, а своих монахов он, как и Феодор Студит, учит не общаться с еретиками даже в быту. С Феодором его связывают дружеские отношения, Петр советуется с ним о монашеской жизни и прибегает к его заступничеству, будучи оклеветанным; в то же время Петр изображен близким и единомышленным другом Иоанникия. Таким образом, Савва попытался примирить позиции вифинского монашества и студитов, сделав Петра Атройского чем-то вроде посреднической фигуры, стоящей между обеими группами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее номера житий по *Bibliotheca Hagiographica Graeca* [7].

² Подобный случай произошел с Петром Атройским и его братом, см. далее.

³ Новейшую библиографию можно найти в статье А. Маркопулоса [15, р. 295–396, note 3], посвященной лингвистическому сравнению двух версий жития Петра.

⁴ Чудеса в *ЖП* проанализировал С. Евтимиадис и составил их сводную таблицу [11, р. 160–170, 174–182].

⁵ Иконоборцы не исчезли после 843 г., но были достаточно влиятельны еще несколько десятилетий, так что соборные осуждения их неоднократно по-

вторялись и позднее, при патриархах Фотии и Игнатии [9, р. 76–97].

⁶ Эта история упомянута во всех трех житиях Феодора Студита (*Vita A*, § 59; *Vita B*, § 117; *Vita C*, § 119; рус. пер. см. в [5, т. I]). Однако в *ЖП* не сказано, что Феодор не просто принудил Петра вкусить пищи, которую тот много лет не ел, но посоветовал ему впредь не выделяться чрезмерными подвигами, питаться как обычные монахи и зимой ходить в обуви, чтобы не подавать повода к смущению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доброклонский, А. П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. Ч. I : Его эпоха, жизнь и деятельность / А. П. Доброклонский. – Одесса : Экономическая тип., 1913. – 1100 с.

2. Иоанникий Великий, преподобный (762–846). [Жития] ВHG 936 и ВHG 935 / предисл. и пер. с древнегреч. Д. Е. Афиногенова ; коммент. Д. Е. Афиногенова и Т. А. Сениной // Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Т. I / ред. Т. А. Сениной. – СПб. : Квадриум : Алетейя, 2015. – С. 508–656.

3. Луховицкий, Л. В. Иоанникий Великий / Л. В. Луховицкий // Православная энциклопедия. – Т. XXV. – М., 2010. – С. 121–124.

4. Сенина, Т. А. Иконопочитатели и иконоборцы IX столетия / Т. А. Сенина // Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Т. I / общ. ред. Т. А. Сениной (монахини Кассии). – СПб. : Квадриум : Алетейя, 2015. – С. 3–130.

5. Феодор Студит, преподобный. Творения. Т. 1 / под ред. митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира ; рук. проекта А. И. Сидоров. – М. : Сибирская благовонница, 2010. – 845 с. ; Т. 2 / под ред. митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира ; рук. проекта А. И. Сидоров. – М. : Сибирская благовонница, 2011. – 863 с. ; Т. 3 / под ред. митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира ; рук. проекта А. И. Сидоров. – М. : Сибирская благовонница, 2012. – 1070 с. – (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе).

6. *Altera vita S. Ioannicii auctore Petro monacho* / ed. J. van den Gheyn // *Acta Sanctorum*. – 1894. – Novembris, T. II, Pt. 1. – P. 384–435.

7. *Bibliotheca Hagiographica Graeca*. Vol. 1 / ed. F. Halkin. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1957. – 284 p. ; Vol. 2 / ed. F. Halkin. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1957. – 322 p. ; Vol. 3 / ed. F. Halkin. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1957. – 351 p. – (*Subsidia Hagiographica* ; 8a).

8. Dobschütz, E. von. Methodios und die Studiten. Strömungen und Gegenströmungen in der Hagiographie des 9. Jahrhunderts / E. von Dobschütz

// *Byzantinische Zeitschrift*. – 1909. – Bd. 18. – S. 41–105.

9. Dvornik, F. The Patriarch Photius and Iconoclasm / F. Dvornik // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1953. – Vol. 7. – P. 67–97.

10. Efthymiadis, S. Hagiography from the “Dark Age” to the Age of Symeon Metaphrastes (Eighth–Tenth Centuries) / S. Efthymiadis // *The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography*. Vol. I : Periods and Places / ed. S. Efthymiadis. – Farnham : Ashgate, 2011. – P. 94–142.

11. Efthymiadis, S. Le miracle et les saints durant et après le second iconoclasme / S. Efthymiadis // Efthymiadis, S. *Hagiography in Byzantium : Literature, Social History and Cult* / S. Efthymiadis. – Farnham : Ashgate, 2011. – P. 153–182. – (Variorum Reprints).

12. La vie merveilleuse de St. Pierre d’Atroa (†837) / éd., trad. et comm. par V. Laurent. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1956. – XII, 247 p. – (Subsidia hagiographica ; 29).

13. La Vita retractata et les miracles posthumes de Saint Pierre d’Atroa / éd., trad. et comm. par V. Laurent. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1958. – 187 p. – (Subsidia hagiographica ; 31).

14. Mango, C. The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians / C. Mango // *Okeanos: Essays presented to I. Ševčenko on his Sixtieth Birthday* / ed. C. Mango, O. Pritsak. – Cambridge, Mass. : Ukrainian Research Institute ; Harvard University, 1984. – P. 393–404. – (Harvard Ukrainian Studies ; 7).

15. Markopoulos, A. Notes et remarques sur la Vie de saint Pierre d’Atroa / A. Markopoulos // *Le saint, le moine et le paysan. Mélanges d’histoire byzantine offerts à Michel Kaplan* / éd. par O. Delouis, S. Métivier et P. Pagès. – Paris : Publications de la Sorbonne, 2016. – P. 295–405. – (Collection Byzantina Sorbonensia).

16. Theodori Studitae Epistulae. Pt. 1 / rec. G. Fatouros. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1992. – X, 496* p.; Pt. 2 / rec. G. Fatouros. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1992. – 1108 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; XXXI/1–2).

17. Timotin, A. Visions, prophéties et pouvoir à Byzance. Étude sur l’hagiographie méso-byzantine (IX–XI siècles) / A. Timotin. – Paris : Centre d’études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes, 2010. – 376 p. – (Dossiers Byzantins ; 10).

18. Vita S. Ioannicii auctore Saba monacho / ed. J. van den Gheyn // *Acta Sanctorum*. – 1894. – Novembris, T. II, Pt. 1. – P. 332–384.

19. Βίος καὶ θαύματα τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Εὐστρατίου, ἡγουμένου τῆς μονῆς τῶν Αὐγάρου // Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Τ. Δ’ / ἐκδ. Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. – Πετροῦπολις : ἐκ τοῦ Τυπογραφείου Β. Κισπάουμ, 1897. – Σ. 367–400.

REFERENCES

1. Dobroklonskiy A.P. *Prep. Feodor, ispovednik i igumen Studiyskiy Ch. 1. Ego epokha, zhizn i deyatelnost* [St. Theodore, Confessor and Abbot of Studios. Pt. I: His Era, Life and Work]. Odessa, “Ekonomicheskaiya” Press., 1913. 1100 p.

2. Afinogenov D.E., Senina T.A., eds. Ioannikiy Velikiy, prepodobnyy (762–846). [Zhitiya] BHG 936 i BHG 935 [Lives of St. Ioannikios the Great, BHG 936 and BHG 935]. Senina T.A., ed. *Zhitiya vizantiyskikh svyatykh epokhi ikonoborchestva* [Lives of Byzantine Saints of the Iconoclastic Epoch]. Vol. 1. St. Petersburg, Kvadrivium Publ., Aletheia Publ., 2015, pp. 508–656.

3. Lukhovitskiy L.V. Ioannikiy Velikiy [Ioannikios the Great]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia], 2010, vol. XXV, pp. 121–124.

4. Senina T. A. Ikonopochitateli i ikonobortsy IX stoletiya [Iconophiles and iconoclasts of the 9th century]. Senina T. A., ed. *Zhitiya vizantiyskikh svyatykh epokhi ikonoborchestva* [Lives of Byzantine Saints of the Iconoclastic Epoch]. Vol. I. St. Petersburg, Kvadrivium Publ.; Aletheia Publ., 2015, pp. 3–130.

5. Metropolitan Vladimir, Sidorov A.S., eds. *Feodor Studit, prepodobnyy. Tvoreniya* [Saint Theodore of Stoudios. Works]. Vol. 1. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2010. 845 p.; Vol. 2. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2011. 863 p.; Vol. 3. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2012. 1070 p. (Polnoe sobranie tvoreniy svyatykh ottsov Tserkvi i tserkovnykh pisateley v russkom perevode [Complete collection of the works of the Holy Fathers of the Church and Church writers in Russian translation]).

6. Gheyn J., van den ed. Altera vita S. Ioannicii auctore Petro monacho. *Acta Sanctorum*, 1894, novembris, vol. 2, pt. 1, pp. 384–435.

7. Halkin F., ed. *Bibliotheca Hagiographica Graeca*. Vol. 1. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1957. 284 p.; Vol. 2. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1957. 322 p.; Vol. 3. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1957. 351 p. (Subsidia Hagiographica; 8a).

8. Dobschütz E. von. Methodios und die Studiten. Strömungen und Gegenströmungen in der Hagiographie des 9. Jahrhunderts. *Byzantinische Zeitschrift*, 1909, vol. 18, pp. 41–105.

9. Dvornik F. The Patriarch Photius and Iconoclasm. *Dumbarton Oaks Papers*, 1953, vol. 7, pp. 67–97.

10. Efthymiadis S. Hagiography from the “Dark Age” to the Age of Symeon Metaphrastes (Eighth–Tenth Centuries). Efthymiadis S., ed. *The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography*. Vol. I: Periods and Places. Farnham, Ashgate, 2011, pp. 94–142.

11. Efthymiadis S. Le miracle et les saints durant et après le second iconoclasme. Efthymiadis S., ed. *Hagiography in Byzantium: Literature, Social History*

and Cult. Farnham, Ashgate, 2011, pp. 153-182. (Variorum Reprints).

12. Laurent V., ed. *La vie merveilleuse de St. Pierre d'Atroa (†837)*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1956. XII, 247 p. (Subsidia hagiographica; 29).

13. Laurent V., ed. *La Vita retractata et les miracles posthumes de Saint Pierre d'Atroa*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1958. 187 p. (Subsidia hagiographica; 31).

14. Mango C. The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians. Mango C., Pritsak O., eds. *Okeanos: Essays presented to I. Ševčenko on his Sixtieth Birthday*. Cambridge, Mass., Ukrainian Research Institute; Harvard University, 1984, pp. 393-404. (Harvard Ukrainian Studies; 7).

15. Markopoulos A. Notes et remarques sur la Vie de saint Pierre d'Atroa. Delouis O., Métivier S., Pagès P., eds. *Le saint, le moine et le paysan. Mélanges d'histoire byzantine offerts à Michel Kaplan*. Paris, Publications de la Sorbonne, 2016, pp. 295-405. (Collection Byzantina Sorbonensia).

16. Fatouros G., ed. *Theodori Studitae Epistulae*. Pt. 1. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1992. X, 496* p.; Pt. 2. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1992. 1108 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; XXXI/1-2).

17. Timotin A. *Visions, prophéties et pouvoir à Byzance. Étude sur l'hagiographie méso-byzantine (IX–XI siècles)*. Paris, Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes, 2010. 376 p. (Dossiers Byzantins; 10).

18. Vita S., Gheyn J. van den, ed. Ioannicii auctore Saba monacho. *Acta Sanctorum*, 1894, novembris, vol. 2, pt. 1, pp. 332-384.

19. Bios kai thaumata tou osiou patros emōn Eustratiou, ēgoumenou tēs monēs tōn Augarou [The Life and miracles of the Saint father Eustratios, abbot of the monastery of Agauros]. Papadopoulou-Kerameōs A., ed. *Analekta ierosolymitikēs stachyologias* [Selections from the Jerusalem storages]. Vol. 4. St. Petersburg, B. Kirspaoum Publ., 1897, pp. 367-400.

Information About the Author

Tatyana A. Senina (nun Kassia), Candidate of Sciences (Philosophy), Editor-in-Chief, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St, 67, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation; Associate Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation, mon.kassia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Сенина (монахиня Кассия), кандидат философских наук, ведущий редактор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Б. Морская, 67, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, mon.kassia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>